

☆☆☆ ДАНИЛ ☆☆☆

КОРЕЦКИЙ

ПО ПОНЯТИЯМ
ЛЮТОГО

ПЕРСТЕНЬ ИУДЫ-3

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К66

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Компьютерный дизайн обложки — *Яна Половцева*

Корецкий, Данил.

К66 По понятиям Лютого : (Перстень Иуды—3) :
роман / Данил Аркадьевич Корецкий. — Мо-
сква : Издательство АСТ, 2017. — 352 с. —
(Шпионы и все остальные. Данил Корецкий).
ISBN 978-5-17-101798-9

Старинный перстень, якобы принадлежащий
Иуде и украденный из музея вором по кличке Сту-
дент, непостижимым образом меняет его жизнь:
он продвигается по иерархической лестнице кри-
минального мира, придумывает новую форму пре-
ступной деятельности — рэкет, создает первую
оргпреступную группировку. А ведь в далеком про-
шлом перстень уже менял человеческие судьбы: раб
Модус пережил стремительный взлет и ужасное
падение... Как сложится судьба Студента и других
людей? И кто стоит за этим музейным артефактом?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-101798-9

© Корецкий Д.А.
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Часть первая

ВОР «СТУДЕНТ»

Глава 1

На Севере Дальнем, в холодном квадрате...

Декабрь 1962 года. Коми АССР

У каждого известного городка своя слава, у каждого — свои песни. «Надену я белую шляпу, поеду я в город Анапу...» Или: «Ах, Одесса, жемчужина у моря, ах, Одесса, шаланды на просторе...»

Конечно, когда место теплое, ласковое, отпускное — тогда и песни веселые. А если другое — черное, ледяное, с пронизывающим насквозь смертным ветром — что тогда петь? Про вечную ночь, отмороженные пальцы, упавшее на хребет дерево? А ведь все равно поют — от отчаяния, от безысходности, потому что человеческая душа, даже если в ней вечные потемки, как в полярной ночи, тоже хочет теплого солнышка, округлых голышей в прозрачной морской водице, отпуска и других радостей.

«Колыма, Колыма, чудная планета — двенадцать месяцев зима — остальное лето!»

«И пошел я к себе, в Коми АССР, по этапу, не в мягком вагоне, папироску повесив, на ихний манер, не ищите меня в Вашингтоне...»

Только на фер ты нужен, Козырь, чтобы тебя искать где-то, да еще тем более в Вашингтоне?! Все твои

захоронки известны и ментам, и блатным: разбитая платформа Монино, улица Газеты «Правда», 11, или кильдюм Шута — царствие ему небесное, или малина Натахи, которая жива-здорова, даже гонорею недавнюю вылечила, или Свердловская ИТУ-16, где ты на пониженной норме питания ТБЦ¹ заработал, или тут, в Коми, в ЛИТУ-51, второй отряд, лучшее место: вроде и у окна, а не дует — так законопатили, и даже фикус стоит на подоконнике, хотя и чахлый...

Но тут поневоле станешь чахлым. Полярный круг — во-он он, совсем рядом. Край света. А за кругом — тьма. Пальцем по карте вверх, вверх. Далеко. Республика Коми, царство комы. Сюда не приезжают в отпуск или проездом, не заглядывают на денек-другой по каким-то сиюминутным делам, сюда надолго закидываются те, кто строгим, но гуманным судом признан ООР². Это высокое звание в шпанском обществе — все равно что у ученой братвы — профессор. Только тем халаты полосатые не выдают с черными кругами на груди да на спине — чтобы целиться легче. Впрочем, стреляют тут редко — мороз кругом страшнее автомата на вышке.

Он каждый день свое дело делает, каждую минуту. Пришел этапом сюда один человек, а ушел (если не лег в вечную мерзлоту, конечно) — другой. Кожа от мороза облупилась, затвердела, черты лица загрубели — не узнать. И внутри он меняется. Отмирают нервные клетки, смерзается мозг, сдуваются легкие, в душе отмерзает все лишнее, что не работает непосредственно на выживание, перерождается весь организм. И хотя души сюда попадают не особо чувствительные, выйти таким, как раньше, уже невозможно. Был один, стал другой. Потому что иначе нельзя.

¹ ТБЦ — туберкулез.

² ООР — особо опасный рецидивист.

Потому что холод, тьма и снег — восемь месяцев в году. Кто не был, не поймет. Жизнь скоротечна, как лето в Сыктывкаре, жизнь хрупка и ненадежна. Сегодня вода течет, а завтра схватится, застынет в камень. На воду нельзя полагаться. На спирт и бензин полагаться можно. Спирт и бензин — единственное, что имеет цену в этих краях. Лесные края, заповедные, зэковские. Поселки, хутора, городишки без названий, только номера по старой, гулаговской еще, лагерной топонимике. Двадцать Первый, Четырнадцатый, Шестой-Дробь-Один. Для краткости, для красоты можно — Четыри, Шестыри, Очково. Так и пишут в новых картах, чтобы черную память стереть. Только зона никада не делась, она здесь была и будет.

И хотя отгородился ты, Козырь, от остального мира тысячей непроходимых километров, а ни телефонов сотовых еще не придумали, ни коммуникаторов, и про Интернет никто ничего не знает, а все равно найдут тебя, «законник» ссучившийся, как только дойдет сюда малява с далекой воли, с очередным этапом дойдет, запаянная в полиэтилен и засунутая самому доверенному этапнику по старинке — прямо в очко. То есть в естественное отверстие зэковского организма. Грубо вроде, примитивно, а ведь проходит, и личные досмотры на всех пересылках не помогают.

Лесное исправительно-трудовое учреждение № 51 — на полдороге между Емвой и Злобой, к северу от Сыктывкара. Режим содержания — особый, род производственной деятельности — заготовка сырья для местных лесопильных заводов, мебельной фабрики, цеха древесно-волоконных плит... Родственники арестантов бахвалятся, что начальство здесь умеренное, сытое, спокойное и что сидится в этих стенах комфортней, чем в Мордовии и Челябинске. На самом деле когда лохам хвалиться нечем, ну просто

край, и все, тогда они начинают выдумывать всякий вздор. Гнут здесь сидельцев обычно, как и везде. Гнет природа, гнет начальство, гнут свои же зэки.

По неофициальному регистру пятьдесят первая зона эта числится «черной», «воровской», начальство выполняет чисто представительские функции, во внутренние дела не суется, а заправляет всем старый питерский вор Козырь. Хотя беспокойно у него на душе: ждет он *того* этапа и знает, что придет он рано или поздно, потому что по-иному здесь не бывает!

Здесь Коми АССР, и местными зонами отдельный главк в Москве командует: ГУЛИТУ¹ называется. Потому что тут даже у надзорно-контролерского состава служба суровая, специфическая и порядки у «лесовиков» особые. Ничего удивительного — и «хозяин», и «кум», и начальник отряда, и инспектор оперчасти, и командир взвода охраны отбывают срок почти наравне с зеками. И мороз для них тот же самый, и ветер, и бескрайняя тайга вокруг, и безлюдье — ни одного нового лица в радиусе ста километров... Только и разницы, что после службы сержанты и офицеры выходят за забор, в бревенчатое общежитие, где могут выпить (если запасы достаточно водки) да поиграть в карты.

А у зэков и этих маленьких радостей нет: кореша не перебросят через ограждение грелку со спиртом или пакет с дурью; самодельные, большим трудом изготовленные карты отбирают при каждом шмоне, телевизоры даже у начальников нет, потому что в такую даль радиосигналы телецентров не долетают... Только и остается арестантам тайком заваривать запрещенный чифирь и петь незатейливые жалостливые песни. Что-нибудь типа этой:

¹ ГУЛИТУ — Главное управление лесных исправительно-трудовых учреждений.

На Севере Дальнем, в холодном квадрате,
Где много больших лагерей,
Там много народу
Не видят свободы,
Не видят родных матерей...

* * *

Козырь утвердился быстро и прочно, хотя расклад поначалу был неясен. Мутный был расклад, короче. Еще до того как он появился, пришла постановочная малява от пермских, архангельских и прочих серьезных воров региона, наделяющая его всей полнотой власти. Вроде так и положено: «законников» в «пятьдесят первой» на данный момент не водилось, Смотрящий по кличке Медведь был хоть и авторитетный жулик, но «босоголовый». А Козырь получил корону уже десять лет назад, и в «черной масти» о нем многие наслышаны.

С другой стороны, шел он по легкой статье и на детский срок — два года на одной ноге отстоять можно... Сразу вопросы вылазят: когда ему делами общества заниматься? Зачем о проблемах «пятьдесят первой» на перспективу думать? Да и слушок какой-то гнилой, еле слышный, опередил его с узловой пересылки-отстойника, где пересеклись питерские и сыктывкарские пацаны. Кто-то что-то базланул без фильтровки, кто-то пересказал что услышал, кто-то так понял, кто-то — эдак... А в результате непонятка полная: то ли «чернуха» голимая, то ли бред нарकोши, нанюхавшегося клея, а может, и не фуфло вовсе, может, правда, которая честного воровского разбора требует... Хотя какой разбор может быть у вони? Разбор — он фактов требует! А вонь — она и есть вонь: сморщишься да быстреей за дверь выскочишь...

И все же, все же... Нет, не все так гладко и ясно было с Козырем, как обычно, когда вор идет на зону, где нет «законника»!

Обычай требовал созвать сход и решить дело голосованием. Глухой февральской ночью в каптерке,azole раскаленной «буржуйки», вокруг которой в метро-вом розовом круге было тепло и сухо — даже забиваемый ветром под дверь снег начисто таял, — собрался местный блаткомитет: Клиn, Хохол, Гнев, Медведь, Саша-Кострома, Электронщик. И конечно же сам ви-новник торжества, Козырь. Пятеро, включая Медве-дя, сразу включили заднюю и безропотно отдали свои голоса за питерца. Гнев проголосовал против.

— То, что в маляве написано, оно, конечно, по делу, — сказал он. Коричневое, с блестящими пятнами, много раз отмороженное лицо ничего не выражало. — Хороший законник нам здесь не помешает. Только с чем он к нам пришел? На два года заехал, и статья у него фуфловая — на стволе запалился, как первоход малолетний. И что с того, что он в законе? А я десятку мотаю за четыре налета: банк, сберкасса, инкассаторы... Правда, короны не имею. А сказать, почему? В тысяча девятьсот пятьдесят восьмом меня принимали на большой сходке в Ташкенте, и вот он, — Гнев показал на Козыря, — не пустил! Весь сходняк за меня подписывался, один он был против. Вытащил какую-то гниль голимую и спалил не за что. Поэтому я голо-совать за него не могу — ни по душе, ни по совести... Ну и что, что он «законник»? Это у фраеров — галстук нацепил и всю жизнь языком чешет. А в нашем обществе по делам решают. А какие у него дела? Волына в шкафу, тьфу!

Козырь на эту речь никак не прореагировал, об-устроился и начал править.

Получалось у него хорошо. Он не наглед, все, что было в заначке у «первого стола» — индийский чай, ку-рево хорошее, сало, колбасу копченую, сгущенку, — все

пустил на общак и даже транзисторный приемник на общий стол выставил. От братвы не отгораживался: кому надо обратиться — за советом, за помощью — пусть хоть напрямую подходят, хотя обычно Медведь и Электронщик все просьбы фильтровали. Место у окна ему полюбому было положено, но и тут он меру знал: «шерстью» не обрастал, брюхом кверху жир не нагуливал. Он даже на делянку выходил — за делами присматривал, хотя лес, ясное дело, не валил — не воровское дело топором и пилой руки мозолить, норму пусть «шерстяные» обеспечивают да нарядчики приученные. Вроде делал все прибывший вор неспешно, без шума и суеты.

Но факт — Козырь в несколько суток замирил шестой «кавказский» и первый «рязанский» бараки, между которыми давно шла война с проломленными черепами и пробитыми легкими. Развел по углам «ломом опоясанных» и «мужиков», тоже собачившихся почем зря. Вправил мозги отморозку Ромашке, месяцами не выходившему из шизо. Провел личную беседу с Гогой Короедом, который возглавлял хозактив и раздавал наряды на хлеборезку, чтобы не борзел и норму знал...

За первый месяц правления Козыря выработка в колонии увеличилась чуть ли не вдвое, количество лежачих больных в изоляторе сократилось до нуля, в арестантских мисках заметно прибавилось жратвы, и жалобы на качество прекратились. Были некоторые издержки, не без того — например, яростного жгучего Абрека из «кавказской» коды вдруг привалило вековой сосной, беднягу увезли доживать в специальную колонию для инвалидов. Да еще неприятный случай приключился: баланы¹ раскатились, да Гнева за малым не раздавило, просто фарт ему вышел — иначе так бы и закопали в твердый ледяной грунт...

¹ Баланы — бревна.

Но в целом только всем стало лучше. Начальство колонии было довольным, Козырь тоже.

Так продолжалось полгода. Хотя нет, это сейчас так можно сказать — полгода. Полгода — вообще ничто, тьфу. А тогда казалось, что Козырь утвердился и будет править вечно, сколько лежит нетающий снег на вершинах приполярного Урала. Или по крайней мере пока не закончится его двухгодичный срок отсидки.

Но арестантская жизнь — она как повидло на стенке: то висит, то застынет на месте, а то возьмет и отвалится...

* * *

Турухтан — такая птица, у нее раздувающийся воротник из ярких перьев и башка без мозгов, эдакий пижон в мире пернатых.

А еще Турухтан — это молодой дрыщ-сиделец из второго барака. В первое время он надувался, колодил понты, строил из себя ковбоя, но быстро сдулся. Север есть Север, он каждого ставит на место. Однако под шконку Турухтана загонять не стали, «пернатить» тоже, и как-то сам собой определился он в «мужики». Вкалывал, обвыкался, на жизнь особо не жаловался.

Однажды у него сперли валенки. Довольно еще новые валенки, не вытертые, с фамилией владельца химическим карандашом и штампом с номером колонии. Вместо них под своей шконкой Турухтан обнаружил пару других — старых, сырых, поеденных мышами. К тому же они были ему малы. Поиски и расспросы ничего не дали, валенки Турухтановы наверняка были сбэгрены в поселок, концов не сыскать. Признаваться в содеянном, естественно, никто не желал.

Турухтан кое-как отработал смену на делянке, а на завтра заявил, что стер ноги и отморозил палец. В сан-

части ему смили температуру, дали вонючую мазь и отправили обратно на делянку. Два дня он хромал и матерился, а работал, естественно, через пень-колоду. Ребятам в бригаде это надоело, Турухтана заволокли на пилораму и хорошо ввалили, так что вдобавок ко всему у него еще оказался сломанным нос. Турухтан пожаловался Электронщику, который смотрел за вторым баракком, Электронщик передал жалобу Козырю. Тот велел разобраться, о результатах доложить. Это не такая отписка, как в Большом мире, нет, это реально означало: разобраться, то есть докопаться до сути. Иначе Электронщику пришлось бы расстаться со своими валенками в пользу потерпевшего Турухтана. У Козыря с этим строго.

Разбор был короткий. Электронщик переговорил с одним бригадиром, с другим. Потом выстроил весь барак у шконок, самолично обошел каждого. Что знаешь? Что видел? Что слышал? Все равно ведь узнаю, долбогномы, будет только хуже. Молчание... Ладно. По его команде бригадиры начали шмонать вещи. У Точилы в тайнике под шконкой нашли бутылку водки. Откуда водка? С воли, сказал Точило. День рождения, сказал, скоро. Кто водку доставил? Тут Точилу слегка перекосило, однако он назвал «связного» Пашу с хозблока, который иногда ездит на продбазу. Паша сразу признался, что по его просьбе возил в Емву какие-то валенки, обменял их у одного туриста на водку...

Каждый четвертый обитатель колонии сидит именно за воровство, однако кража у собрата по тюрьме считается серьезным проступком. «Крысятники» — последние люди на зоне. Так что Точила попал конкретно.

— Да не брал я его сраные валенки, братва, клянусь! У меня та пара была заныкана еще с прошлого года!

Но сказать что-либо внятное в свое оправдание он не мог, только орал и божился, что его подставили.

Даже заступничество Гнева, с которым они то ли земляки, то ли дальние родственники, не помогло.

Козырь приговорил Точилу к суровому и позорному наказанию. Провинившегося раздели, уложили на табурет, связали руки-ноги, после чего весь барак, восемьдесят сидельцев, прошлась мокрыми, завязанными в узел полотенцами, по его голой спине и заднице. Позорно, больно... Но справедливо, как считали многие.

Многие, да не все. Пошли слухи, что Козырь через Точилу отомстил своему недругу Гневу — за то, что тот не проголосовал за него на февральском сходе. Может, так, может, и нет. Но тогда что-то пошатнулось в могуществе Козыря.

А потом Турухтана нашли в распадке с разорванным горлом. И тут всю «пятьдесят первую» тоже едва надвое не разорвало. Одни были уверены, что это Гнев беспредельничает, другие считали, что Турухтана уделали по приказу Козыря, чтобы концы в воду спрятать.

Неизвестно, чем бы все это закончилось, если бы не пригнали очередной этап. **Тот самый.** С ним в «пятьдесят первую» пришла малява из Питера, от законников союзного уровня — Деда, Императора и Дато Сухумского.

* * *

Как показывают в кино хитроумное ээковское послание, тайно преодолевшее обыски, досмотры и прочие фильтры контрольно-надзорных мероприятий? Крохотная записка, запрятанная в авторучке, буханке хлеба или пакетике с чаем. Носовой платок с посланием, зашифрованным в вышитом орнаменте. Иногда — татуировка на теле нового арестанта, состоящая из символов и цифр, которые поймет только посвященный. Бред голимый — вот что это все такое! На самом деле просто грязная во-

нючая бумажка, побывавшая на пути к адресату черт знает в каких неожиданных, а чаще вполне ожидаемых местах. Малевки, малявы, мульки. Называют их по-разному, и по содержанию они тоже бывают разные — как осколок зеркала в рукавном шве: может, для того, чтобы ярким «зайчиком» в темном карцере развлечься, а может, чтобы полоснуть себя по венам острым стеклом или перехватить горло спящему сокамернику...

Обычно, когда этап с малявой еще идет на зону, там уже знают и ждут. Хотя бывает и по-другому — тайно приходит «почтальон», а потом объявляется всему обществу, ну не всему, конечно, а блаткомитету. А читают уважаемые люди все вместе. Это спецом делается: чтобы Смотрящий или его пристяжь не заныкали бумажку, если вдруг там про них гниль какая-то написана...

— «...Козыря знаем давно, был он честным вором, и косяков за ним не водилось. Но, похоже, к старости мозгов у него сильно поубавилось. Доподлинно известно, что закрысячил Козырь деньги у честного ростовского вора, погоняло Студент. Да еще внаглую предъявил, якобы тот его обокрал и людей его почикал. На общей правилке мы этот косяк вскрыли, Козыря изобличили по полной, правду воровскую восстановили. Теперь ваш черед, братья, дать Козырю по ушам и спросить с него, как с гада. Иначе жирный минус на «Пятьдесят первой» поставим...»

Медведь закончил читать, поднял глаза и тут же опустил, не выдержав давящего взгляда Козыря.

— Это не малява, это мутный гон и ванькин керогаз, — сказал Козырь твердо. — Дед и Император хорошо знают меня, они такое написать не могли. Дай ее мне. Я один знаю их подписи.

— Не ты один, — сказал Саша-Кострома. — Я в «восьмерке», на Ладого, был «связным», там Император чалился в то время.

— Там только одно мутное гониво, — вступил Гнев. — Это то, что ты когда-то был честным вором, Козырь. Фуфло это. Я думаю, ты всегда был крысой. Жалко, что вскрылось это поздно.

Они сидели в той же каптерке и тем же составом, как и тогда, когда без малого шесть месяцев назад принимали Козыря в «пятьдесят первую». Только теперь авторитеты «пятьдесят первой» смотрели на него по-другому. И он на них — тоже.

— Мне такие предъявы не канают! — как можно уверенней сказал он. — Меня на союзной сходке Японец, Джембо и Самолет «крестили»! Я могу большого разбора требовать!

— А пока будешь под шконкой жить, чушкарем?! — усмехнулся Медведь. — И оттуда требовать...

— Меня никто здесь не может тронуть. Не пяльтесь и не лыбьтесь. Я — вор союзного значения, без Японца или Джембо меня даже пальцем...

Электронщик подошел к Козырю сзади и сильно хлопнул в ладоши, вроде как по мячу, только между его ладонями оказались маленькие, деформированные уши вора. Тот вскрикнул, вскочил, зашатался, держась за голову.

— Вот ты уже и не вор, — сказал Гнев. Лицо у него оставалось как всегда неподвижным, но в голосе слышалось удовлетворение.

— Я Смотрящий, меня никто не смещал...

Гнев и Электронщик переглянулись.

— У него писка¹ в левом рукаве, — предупредил Медведь.

Но все подобные мелочи уже не имели значения. Быстрое движение — и вот Козыря уже держат за руки, развернули, ударили лбом в стену, чтобы оглушить.

¹ Писка — здесь бритва.

— Не трожь! Пошли прочь, суки! Вам всем будет хана!..

Еще раз ударили, сильнее. Еще... Козырь потерял сознание. Гнев достал кусок проволоки, набросил на шею, но Медведь поднял руку.

— Не надо. Пусть охладится. Сколько там?

— К вечеру сорок два натянуло, — пояснил Саша-Кострома.

— Ну, и пусть полежит часок, ему хватит, — сказал Медведь и направился в отряд, к «первому» столу, пить чифирь.

Хлеб маслицем намазали, нарезали тонко колбаски копченой, сальца, почесали языками о том, как Козырь такую косячину упорол... Когда перекусили, накиннули фуфайки и вышли проверить. Козырь уже напоминал кусок мяса, замороженного для долгого хранения. Гнев зачем-то присел, потрогал холодную шею, встал, отдуваясь, отряхнул ладони, вытер их о штаны.

— Крысе — крысячья смерть, — сказал он и сплюнул. Все прислушались: болтали, что когда за сорок, то плевков замерзает на лету и шуршит о снег твердой ледышкой. Но никто никогда такого не слышал. И сейчас не слышали.

Глава 2

Яд для Смотрящего

Ростовская область. Декабрь 1962 года

Новоазовск встретил его неприветливо. Холодно, неширокие улочки слегка припорошены снегом, порывами налетает резкий, пронзительный ветер. Небо низкое, простуженное, зеленовато-серое, и все вокруг